

**ГЕРОИ
ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКИ**

БАРОНЕССА

ИЗ

ОГПУ

ХАЧИК ХУТЛУБЯН

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х98

Хутлубян, Хачик Мнацаканович.

Х98 Баронесса из ОГПУ / Хачик Хутлубян. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Герои внешней разведки).

ISBN 978-5-04-118256-4

В Берлин по приглашению своего друга разведчика Эдуарда Пахомова приезжает известная детская писательница Зоя Воскресенская. В это же время в Берлине происходит загадочное убийство Ганса Крафта — известного антифашиста, бывшего летчика Люфтваффе. Эдуард пришел к нему домой и обнаружил на полу труп Ганса с пробитой головой. Разведчики начинают собственное расследование преступления. Следы убийцы вывели их на американских агентов. Но не это стало для советских нелегалов шокирующим открытием, а достоверная информация о том, кого именно поддерживали и прикрывали американцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хутлубян Х.М., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118256-4

Основано на реальных событиях

ЧАСТЬ I

1947 год. 27 ноября. Недалеко от Праги

Время приближалось к полуночи. Дорога на Прагу была пуста. Зашторенное облаками небо низко склонилось над чернеющей горловиной небольшого автомобильного тоннеля, будто пыталось заглянуть в него. Сюда некоторое время назад нырнула темная «Шкода Рапид», что свернула с трассы, срезая путь к чехословацкой столице. Легковик, показавшись из другого конца тоннеля, должен был уже выскочить на дорогу. Но скрежет шин и железный грохот, впережку с глухим звоном разбившегося стекла, говорили... нет, кричали о том, что произошла большая беда!.. Видавшая всякое ночная темь, однако, лишь близоруко шурилась и не могла ничего разглядеть...

*Медленно наступал рассвет. Теряя терпение,
хмурое ноябрьское утро скользнуло по
примороженным лужам и полетело по московским
улочкам, попутно разгоняя сгустившиеся за ночь
облака над Лубянской площадью.*

1947 год. 28 ноября. Москва. Лубянка

В кабинете заместителя начальника управления по диверсионным операциям генерал-майора Наума Эйтингона горела настольная лампа. Наум Исаакович в который раз перечитал распечатку звонка начальника Управления контрразведки Центральной группы советских войск в Австрии и Венгрии генерал-лейтенанта Михаила Белкина, закурил папиросу и тихо протянул:

— Не-по-ни-маю.

Генерал Белкин, как следовало из написанного, ночью 27 ноября ехал из Карловых Вар в Прагу. Под утро, недалеко от чешской столицы, на обочине перед мостом, увидел разбитую машину «Шкода». В ней — два окровавленных трупа. В одном из них генерал опознал сотрудника бывшего Первого главного управления (внешней разведки) МГБ СССР — недавно преобразованного в Комитет информации — полковника Рыбкина, который находился на переднем сиденье рядом с водителем. Белкин вынул из кармана Рыбкина документы, прихватил полевую сумку полковника и поехал дальше в Прагу, чтобы сообщить о случившемся и потребовать расследования.

Теперь Эйтингону вновь позвонили, только уже из столицы Венгрии, и сообщили, что под Будапештом обнаружена разбитая машина «эмка» и в ней двое: полковник Рыбкин (!) с удостоверением личности в кармане своей шинели и солдат-шофер. Оба мертвы!

— Что происходит? — Эйтингон внимательно посмотрел на погасший окурок в пепельнице и, достав из пачки новую папиросу, прикурил с третьей спички, обломав первые две о бок коробка. Размышляя о произошедшем, он пошел дедуктивным путем — от общего к частному. Полгода назад все советские разведслужбы, в том числе Первое главное управление МГБ, в ходе правительственной реорганизации были объединены в единый орган — Комитет информации (КИ) при Совете министров СССР. В системе КИ действовали восемь управлений, шесть функциональных отделов, а также — два самостоятельных направления: «ЕМ» (эмиграция) и «СК» (советские колонии за рубежом). Реформирование в стадии становления вносило определенную сумятицу в работу структур. Но в разведке служат люди из особого сплава, которых трудностями или даже экстраординарными ситуациями сбить с толку практически невозможно. Полковник Рыбкин — опытейший разведчик — был из числа таких сотрудников.

«Но что это? Как может один и тот же человек погибнуть дважды в разных местах?! — задавался вопросом генерал. — Какая-то чертовщина! Полковник Рыбкин при выполнении особо важного задания в Праге погибает при невыясненных пока обстоятельствах в автоаварии. На следующий день он же разбивается насмерть под Будапештом?! Полный абсурд!.. Так. Что известно? Известно, что генерал Белкин неожиданно ночью отправился в Прагу из Карловых Вар и поехал не по обычной дороге,

а сделал крюк. Зачем?.. Он уже знал, что произошло?.. Если да, то откуда?.. Так. А если... он не знал, что произошло, но знал, что... должно было произойти?.. Стоп!.. Тогда... Что — «тогда»?.. Нет! Чушь! А если он ехал на встречу с Рыбкиным?.. Возможно. А могло случиться, что водитель Рыбкина спешил и, обгоняя в темноте, например... гужевую повозку, не справился с управлением и врезался во встречный грузовик? И да, и нет».

В голове прокручивались вопросы, вплоть до абсурдных. Взаимоисключающие версии то рассыпались, как песок, то появлялись вновь, и все требовалось систематизировать, досконально проверить, чтобы ничего не упустить. А потому отбрасывать какие-либо варианты было нельзя.

Наум Исаакович подошел к окну. Проснувшаяся после долгой ночи Москва как всегда с ходу включилась в водоворот дел. Время полетело без тормозов. На столе, не считаясь друг с другом, трезвоили телефоны. Хозяин кабинета поднимал трубки, кого-то отчитывал, перед кем-то отчитывался...

И вот странное совпадение: дверь кабинета тихо отворилась, и прекратились телефонные звонки. Вошел помощник:

— Наум Исаакович, вы приглашали полковника Рыбкину. Зоя Ивановна ожидает в приемной.

— Зови. — Эйтингон постучал пальцем по пустой пачке папирос и, смяв ее, бросил в маленькую урну у ног, в углу письменного стола.

— Разрешите? — Полковник Рыбкина вошла в кабинет. Высокая, статная, просто и безупречно

одетая, она посмотрела на хозяина кабинета и поняла, что он чем-то взволнован.

— Зоя Ивановна, проходи, садись.

— Благодарю.

В это время вновь открылась дверь, и в кабинет вошла Эмма Карловна Каганова, супруга генерала Павла Судоплатова и добрая приятельница Зои Ивановны. Она вошла без стука и села напротив Рыбкиной.

— Ты что такая хмурая? — обратив внимание на выражение лица, спросила ее Зоя Ивановна.

— Сын коклюшем болеет, — потупив взор, произнесла та. — Всю ночь кашлял...

— Зоя. — Наум Исаакович выдвинув ящик стола, достал из глубины припасенную на черный день папиросу, прикурил с первой же спички и, затянувшись, дрогнувшим голосом на выдохе сказал: — Зоя, ты женщина мужественная...

— Что-то случилось? — сердцем чуя неладное, перебила начальника Рыбкина.

— Борис погиб, Зоя.

— Борис?.. Какой Борис?

— Муж твой, Борис Рыбкин погиб.

— Как погиб?..

— Выясняем. Произошла автомобильная авария. — Эйтингон подумал и добавил: — Пришло два сообщения — одно из Праги, другое из Будапешта. Чертовщина какая-то, и там, и там обнаружен погибшим в аварии полковник Борис Аркадьевич Рыбкин.

— Ну вот. Это ведь ошибка? — растерянно спросила Зоя Ивановна, пытаясь вопросом отвести беду, но... в груди что-то сжалось в комок, сдавило дыхание и сделалось душно. — Нет-нет. Борис опытный, умный... осторожный... он не может... не мог погибнуть. Это — ошибка.

— К сожалению, нет.

— Ошибка...

— Сообщение из Праги поступило от генерала Белкина... Мы подключили все ресурсы. Выясняем подробности. Обещаю, все, что удастся узнать, тебе сообщу первой.

— Что?..

— Зоя, произошла большая беда, но необходимо держаться. У нас работа такая. Думаю, тебе... надо домой, немного прийти в себя, собраться с силами... Я ведь понимаю... Эмма Карловна проводит, побудет рядом...

— Нет-нет, спасибо, я сама. У меня дома мама болеет... не хочу, чтобы она заподозрила... — Зоя Ивановна встала, медленно направилась к выходу и уже в дверях обернулась: — Это ошибка, я уверена.

Эмма Карловна вышла следом, не поднимая глаз.

Наум Исаакович покрутил в пальцах погасшую папиросу, взял спички, чтобы прикурить, но, обломав пару штук, бросил коробок на стол и вмял окурок в пепельницу.

— Как же так, Борис Аркадьевич, как же так, боевой товарищ!..

На следующий день Рыбкину вызвал к себе министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Он выразил соболезнование и, в свою очередь, заверил, что все обстоятельства дела о гибели полковника Рыбкина будут тщательно расследованы специально созданной комиссией.

Когда Зоя Ивановна вернулась к себе в отдел, ее попросили зайти к генералу Эйтингону.

Наум Исаакович рубанул с солдатской прямоотой:

— Зоя Ивановна, ты прошла огонь и воду и отлично понимаешь, какова она — работа разведчика! Порой не только дела и жизнь наших сотрудников засекречиваются на десятки лет, но и обстоятельства героической смерти во имя общего дела — тоже! Одно знай — Борис Аркадьевич погиб, выполнив свой долг перед Родиной до конца. И мы всегда будем хранить о нем светлую память.

— Я получила письмо, которое он послал мне с оказией, — не совсем вслушиваясь в пафосную речь, произнесла Зоя Ивановна. Она достала из кармана жакета сложенный вчетверо листик, раскрыла и прочитала: *«Самый напряженный момент всей моей поездки наступил сейчас. ...в ближайшие дни все станет ясно. Надеюсь, все кончится благополучно. Ты, пожалуйста, не волнуйся. Может быть, пока это письмо дойдет, ситуация у меня изменится к лучшему»*. — Она показала листик Эйтингону. — Письмо датировано 11 ноября. Борис Аркадьевич был человеком уравновешенным и рассудительным. Чувством паники и преувеличения опасности не страдал. Что там могло произойти, Наум Исаакович?

— Он в Праге организовывал связь с нелегальной резидентурой одной из южноевропейских стран. Действительно, был сложный момент. И не только это. Больше ничего не могу сказать. Да и не знаю.

— А кто погиб там... под Будапештом?

— В машине «эмка», что попала в катастрофу под Будапештом, был капитан Суриков в шинели, папаче и с удостоверением личности полковника Рыбкина в кармане.

— Как?..

— Борис Аркадьевич перед отъездом в Прагу оставил свои вещи и удостоверение в Бадене, у капитана Сурикова. Сам же отправился выполнять задание с документом на имя Тихомирова. 28 ноября Сурикова из Бадена, где он находился в командировке, вызвали в Будапешт. Погода — холодная, у капитана не оказалось своей шинели. Он надел шинель и папачу Рыбкина и взял с собой удостоверение личности полковника. Цепь трагических совпадений и случайностей. — Эйтингон замолчал. Из глубин памяти вдруг всплыло: «Случайность — непознанная закономерность, совпадение predetermined событий».

— Странно все это, — выдохнула Зоя Ивановна. — А как получилось, что генерал Белкин ночью нашел разбитую машину с Борисом? Он был в курсе его задания?

— Не знаю, но полковника Рыбкина снабдил удостоверением на имя Тихомирова Александра Николаевича именно Белкин, — ответил Эйтингон и через секунду туманно добавил: — Они должны были встретиться в Праге. Все было predetermined.

— Ясно, Наум Исаакович. Извините за вопросы.

— Понимаю.

Случилось так, что разговор этот получил неожиданное продолжение. Из Праги с оказией пришло последнее запоздалое письмо Бориса Аркадьевича, написанное им за четыре дня до гибели жене: *«Сейчас выезжаю на один день в Берлин, а 26-го из Берлина «к себе» в П., буду там вечером. Не позже 29-го буду у Белкина, т.к. мои документы на пребывание в П. кончатся 30 ноября. Оттуда сейчас же созвонюсь с начальством, после чего, уверен, смогу выехать домой»...*

Весь день Зоя Ивановна работала в отделе, замечая, как вокруг нее стихали разговоры сотрудников, все понимали, что случилось огромное горе, которое словами сочувствия не унять. Надо стерпеть эту боль, как бы она не жгла — боль утраты любимого человека, мужа, соратника и верного друга. Зоя Ивановна еще не понимала, как с этим можно жить и удастся ли ей докопаться до истины? Но одно она знала наверняка, смириться с тем, что повинные в смерти ее мужа люди будут безнаказанно жить, не сможет.

Вечером, придя домой пораньше, она, как и вчера, решила ничего матери не говорить о Борисе. Александра Дмитриевна лежала в кровати, но не спала.

— Зоенька, ты рано сегодня пришла. И вчера...

— Я не рано, мама, я пришла вовремя. И вчера — тоже.

— Ты что-то скрываешь от меня? Может, случилось что?

— Нет-нет, мамочка, что мне скрывать?.. Ах да, лекарство тебе купить забыла. Ты извини, я сейчас... я быстренько обернусь.

— Устала ты за эти дни. Может, не надо никуда?.. — Ничего, успею еще отдохнуть.

Александра Дмитриевна улыбнулась своей Зоньке так, как умела лишь она.

— Ладно, доча, надо, так езжай и возвращайся скорей.

— Я быстро, мамуль. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Хорошо, вот только с этим сырым климатом беда.

Второй год в Харбине, а все не привыкну к нему.

1932 год. Середина июня. Харбин

До улицы Набережной Зоя доехала на своем велосипеде минут за сорок. У дома № 5 спешила, немного прошла, почувствовав, как твердый грунт под ногами сменился укатанным песком, и крикнула через калитку:

— Хозяева, есть кто во дворе?!

Маленькая девочка, сидя на табурете перед ухоженным палисадником, вертела на коленях фланелевого медвежонка, пытаясь запеленать его большим мужским носовым платком. У нее ничего не получалось. Но она терпеливо вновь и вновь принималась за дело.

— Хозя-ева... — повторился окрик.

Девочка посмотрела вокруг и, заметив у забора молодую красивую тетю, крикнула ей:

— Ой, здравствуйте! Я сейчас маму позову! —
И убежала в дом.

Вскоре на пороге появилась хозяйка — невысокая, русоволосая женщина. Она посмотрела на гостью и всплеснула руками:

— Что случилось? У вас нога в крови!..

— Упала. Я плохо вожу велосипед, а тут решила прокатиться.

— Проходите, садитесь на табурет, я сейчас принесу теплой воды и йоду. Маруся, — обратилась хозяйка к девочке, — протри табурет полотенчиком, пусть тетя сядет.

— Табурет у нас чистый, я сама на нем только что сидела. И вы садитесь, не бойтесь, — обратилась к гостье девочка.

— Спасибо.

— А как вас зовут?

— Зоя зовут меня, а фамилия Казутина.

— А я — Маруся Перова. Мне уже вот столько годиков, — показала она четыре пальца. — А это мой любимый медвежонок Мишка. Сыночек мой.

— Очень приятно.

— Это ваш велосипед?

— Да.

— Красивый. И вы тоже красивая.

— Какая ты славная, Маруся! — рассмеялась Зоя Казутина и погладила девочку по голове.

— Дочь, принеси йод и бинт, они на кухне остались, на столе. Я пока рану тете промою, —скомандовала мать, показавшись на пороге с тазом.

— Ее зовут Зоя Казутина, мама, — сказала Маруся и убежала в дом.

— Слыхали, и так целый день без умолку, — усмехнулась хозяйка и, взявшись за обработку раны, предупредила: — Будет немного щипать, вы уж потерпите.

— А почему вы не спрашиваете, как зовут мою маму? — поинтересовалась Маруся, как по дуновению ветерка слетав на кухню и вернувшись назад к Зое с коричневатым пузырьком и бинтом в руках.

— Ох уж эта Маруся, — покачала головой мать, промокнув края раны йодом и накладывая повязку на колено гостьи. — Ну, вот, кажется, все.

— Спасибо вам.

— Меня Надеждой Афанасьевной зовут, — протянула руку хозяйка. — Но лучше по-простому, Надя.

— Зоя Казутина. Очень приятно.

— Вот и познакомились. Просим с Марусей попить с нами чайку.

— Спасибо, с удовольствием.

За столом женщины разговорились.

— Вы давно в Харбине? — спросила Зоя Надю.

— Давно.

— А я два года. Работаю в Нефтяном синдикате. Продаем китайцам бензин и нефтепродукты.

— Освоились уже?

— Я — да. Все хорошо. Мама долго привыкала к влажной духоте. Теперь, правда, не жалуется, но и не жалуется ее.

— Ой, я тоже не сразу обвыклась.

— Ага. Мама очень любит внука своего Володю — сынишка мой — на годик младше вашей Маруси.

— Успела уже показать на пальцах сколько ей лет? — рассмеялась Надя.

— Да, такая она у вас смышленная. Надо их познакомиться, пусть дружат. Если вы не против, конечно. Мы ведь не очень далеко от вас живем — минут тридцать-сорок на велосипеде.

— Буду только рада. Да и Маруся — тоже.

За разговором время пролетело незаметно — о женской доле, о детях, о домашних делах-хлопотах, о жизни в Харбине — обо всем успели поболтать по-свойски Зоя с Надей и в конце перешли на «ты».

Когда стало смеркаться, гостья собралась домой. Хозяйка хотела было оставить ее на ночь у себя.

— В сумерках тут ходить опасно, — сказала она.

— Я же не пешком, я на велосипеде, — улыбнулась Зоя.

— Это без разницы.

— Нет-нет, там мама с Володей одни. Ждут меня.

Поеду.

— Ты, главное, не останавливайся нигде, пока не выедешь из пригорода. Это Фудзя-дянь — китайский район. Будь осторожна. Здесь наших женщин не любят. Особенно держись подальше от маковых плантаций. Заедешь туда — могут и убить.

— Когда ехала сюда, что-то не видела никаких плантаций.

— Теперь увидишь. Эти плантации под бандитским надзором, им же и принадлежат. Целые

баталии из-за этого разыгрываются. Опиум — дело денежное!

По совету Нади Зоя поехала домой другим более коротким путем, который можно было считать и более безопасным, если не сворачивать с него, конечно. Велосипед летел по грунтовке вдоль мутной и очень широкой реки Сунгари, берега которой местами полыхали опийно-маковыми плантациями. На фоне закатного неба они выглядели зловеще красиво. Зоя даже засмотрелась на них. И надо ж было случиться такому — на ухабе велосипед тряхнуло и... со звездочки слетела цепь! Утром еще Зоя обнаружила, что она ослабла, но так и не удосужилась ее подтянуть. Теперь, оставшись на холостом ходу и без тормозов, едва зарулила на пригорок и на подъеме остановилась, у самой кромки плантации. Она сошла с велосипеда, положила его на землю и склонилась над ним, чтобы устранить неполадку.

Все произошло очень быстро!

Зоя и вскрикнуть не успела, как словно из-под земли выросшие два сухощавых загорелых китайца накинулись на нее, скрутили, связали руки и, сунув в рот кляп, потащили в землянку. Крыша ее, закиданная травой, походила со стороны на обычный бугорок неподалеку.

Землянка оказалась довольно просторной и глубокой. Внутри тянуло сыростью. Один из китайцев лающей скороговоркой что-то приказал второму и тот, резко толкнув в угол Зою, сбил с ног и придал коленом между лопаток, чтобы не дрыгалась. Напарник в это время ловко накинул ей на